

Научная статья

УДК 008

DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_156

Символическое «страдание» артефактов. Статья 2

А. А. Смирнова¹, И. В. Леонов², И. В. Кириллов³^{1,2,3}*Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия*¹*allasmir@mail.ru*²*ivaleon@mail.ru*³*os84@yandex.ru*

Аннотация. Текст является завершением двухчастной статьи, которая посвящена изучению символических «страданий» артефактов. В настоящей публикации уделено внимания перипетиям, которые «переживают» культовые сооружения, памятники советской эпохи и иные объекты. Разбираются конкретные ситуации «страданий» во взаимодействии с культурным контекстом. Делается вывод о сложности и междисциплинарном характере изучаемой проблематики и ее перспективности в плане научного изучения.

Ключевые слова: культурное наследие, архитектура культурного наследия, переходность, «тектонический сдвиг» культуры, артефакт, памятник, символическое «страдание»

Для цитирования: Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Символическое «страдание» артефактов. Статья 2 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 156–162. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_156

Original article

Symbolic “Suffering” of Artifacts. Article 2

Alla A. Smirnova¹, Ivan V. Leonov², Igor V. Kirillov³^{1,2,3}*Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russia*¹*allasmir@mail.ru*²*ivaleon@mail.ru*³*os84@yandex.ru*

Abstract. The text is the conclusion of a two-part article devoted to the study of symbolic “suffering” of artifacts. In this publication, attention is paid to the vicissitudes that “survive” religious buildings, monuments of the Soviet era, as well as other objects. Specific situations of “suffering” are analyzed; their connection with the cultural context is indicated. The conclusion is made about the complexity and interdisciplinary nature of the studied problem and its perspectives in terms of scientific study.

Keywords: cultural heritage, architectonics of cultural heritage, transitivity, “tectonic shift” of culture, artifact, monument, symbolic «suffering»

For citation: Smirnova, A. A., Leonov, I. V., Kirillov, I. V. (2023). Symbolic “suffering” of artifacts. Article 2 // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 156–162. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_156

ВВЕДЕНИЕ

Мир памятников культуры сложен и многообразен. Драматургия их биографий обширна и противоречива. На протяжении своей жизни памятники могут попадать в различные ситуации, в том числе и претерпевать разного рода «страдания». Пострадать может как форма, так и «смысловая аура» объекта. В ходе изучения феномена символического «страдания» памятников был сделан вывод, что указанные ситуации неизменно проявляются на протяжении истории, – обретая при этом в зависимости от контекста различные конкретно-исторические формы. В первой части статьи была дана общая характеристика изучаемого феномена, приведен ряд примеров символического «страдания» артефактов (преимущественно ярко выраженных).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Продолжая рассмотрение представленной темы, необходимо коснуться антирелигиозной политики, проводимой в первые десятилетия советской власти. Кампания по закрытию культовых сооружений и изъятию церковных ценностей, масштабная (и нередко вульгарная в художественном отношении) атеистическая пропаганда, осуществляемая Союзом воинствующих безбожников и другими институтами, а также иные подобные мероприятия были существенной частью государственной культурной политики обозначенного периода. Антирелигиозная политика отразилась на судьбе многих памятников историко-культурного наследия, а также на музейной деятельности. Примечательно, что многие артефакты, имеющие отношение к религиозному культу, сохранялись и экспонировались, – однако экспонирование зачастую сопровождалось ярко выраженным антирелигиозным контекстом, имевшим пропагандистскую форму [Туминская, 2020]. Начиная с 1940-х годов, после возвращения отечественной культуры ко многим системообразующим аспектам собственной истории, масштабы такого рода деятельности значительно сократились.

Тем не менее даже во времена сокращения масштабов антирелигиозной политики дискуссии относительно того, как сохранять и экспонировать артефакты, связанные с религиозным культом, продолжались. Сам факт музеефикации многих культовых сооружений и присутствия в музейных пространствах предметов культа (включая, например, иконы) воспринимается частью общества неоднозначно. Что уж говорить о размещении в культовых пространствах объектов атеистической пропаганды – укажем, например, на то, что

в советском Ленинграде в музеефицированном Исаакиевском соборе в 1931–1986 годах функционировал маятник Фуко, а в Казанском соборе с 1932 года действовал Музей истории религии и атеизма, включавший «музей инквизиции» откровенно антицерковной направленности. В последние десятилетия на фоне повышения статуса религии в отечественной культуре обозначенные дискуссии получили новый импульс. В рассматриваемой сфере стали проявляться новые практики, которые имеют компромиссный характер – так, Владимирская икона Божьей матери, обладающая статусом экспоната Государственной Третьяковской галереи, с 1999 года находится в Храме-музее святителя Николая в Толмачах (являющегося частью Третьяковской галереи); в Исаакиевском соборе, который продолжает оставаться музеем, регулярно проходят церковные службы. Представляется, что указанные практики способствуют снятию противоречий и достижению согласия между представителями различных общественных групп.

Среди относительно «мягких» практик выделяется практика драпировки и маскировки памятников историко-культурного наследия. Данная практика – в первую очередь вследствие радикальных социокультурных преобразований, связанных с революцией 1917 года и распадом Советского Союза в 1991 году – в последнее столетие получила значительное распространение в нашей стране. Архитектонические перестройки культуры ведут к преобразованию ее наследственного материала, что влечет за собой перегруппировку его актуальных, «снятых» и потенциальных составляющих [Кондаков, 2014]. Нередко сакрально-значимые сооружения предшествующих исторических периодов, отражающие ценностно-смысловое ядро прежней культуры, вступают в противоречие с новым обликом культуры; вследствие этого от них избавляются, их перемещают в менее значимые локации, их преобразуют, драпируют (при этом драпировка может выполняться с учетом противоположных природе памятника идеологических установок – так, в советский период некоторые объекты занавешивали красной материей [Готье, 1997] и революционными лозунгами. Имели место и ситуации абсолютно нелепые: например, икону Серафима Саровского из-за портретного сходства с Карлом Марксом украшали революционной символикой [Пархоменко, 2010] и т. д. В указанном контексте практики маскировки и драпировки являются во многом компромиссными. Тем не менее закрытый, спрятанный, «завуалированный» объект, важный для носителей конкретной культуры, может восприниматься ими как «страдающий». Так, в советском Петрограде-Ленинграде

драпировали и «прятали» памятник Николаю I на Исаакиевской площади, указанный выше памятник Александру III; статую ангела на Александровской колонне в дни больших праздников маскировали брезентом и воздушными шарами. Самый известный случай драпировки значимого объекта в постсоветский период – драпировка мавзолея В. И. Ленина в дни военных парадов на Красной площади, которая неоднозначно воспринимается российскими гражданами и вызывает большие споры.

Помимо драпировки артефактов, возможны и иного рода практики декоративного переоформления памятников, существенно не затрагивающие их архитектонику, но способные повлечь ситуации символического «страдания». Например, в 1920-х годах в дни годовщины Октябрьской революции на Исаакиевском соборе устраивали праздничную иллюминацию; в тот же период колокольню недействующего Страстного монастыря в Москве использовали как информационную и рекламную площадку, на которой размещали политические лозунги, киноафиши, рекламу лотерей и т. п. (это вообще было одной из характерных примет довоенного Советского Союза – «бесчисленные ограды церквей и монастырей предоставляют наилучшие площади для плакатов» [Беньямин, 1996, с. 196]). Подобного рода действия, неорганичные природе данных артефактов, были призваны нивелировать их изначальные ценностно-смысловые аспекты и изменить их статус в культуре.

Достаточно ярким примером также является оснащение Казанского собора советской атрибутикой, имевшее место в 1934 году. Фотографии Казанского собора, сделанные в указанное время, «могут удивить наших современников <...> у собора размещена масштабная экспозиция, посвященная челюскинцам, на фасаде собора размещен большой портрет Сталина, меньшие по размерам портреты героев-полярников, макеты аэропланов и славящие полярников лозунги <...>. Рядом с колоннами Казанского собора были размещены стационарные книжные киоски, в которых продавали, в частности, техническую литературу и учебники для ВТУЗов; киоски также были снабжены агитационными плакатами («Вооружим творческую инициативу масс глубоким знанием техники» и т. д.)» [Леонов, Ройттер, Кириллов, 2020, с. 114]. Приведенный случай ярко иллюстрирует специфическую ситуацию, когда объект, имеющий одну ценностно-смысловую природу, становится транслятором ценностей культуры, выстроенной на иных аксиологических основаниях. Памятник оказывается на пересечении разных ценностно-смысловых сфер, на перекрестке культур. В рассматриваемом примере, в частности, речь идет о декоративном «убранстве», которое

противоречило природе храма, однако популяризовало подвиг полярников-челюскинцев, важный не только для советских граждан, но и сохраняющий свою значимость для современной культуры России. Указанная дуальная ситуация усложняет памятник, его биографию и восприятие.

Изучение данной проблематики позволяет высветить еще один ее значимый аспект, который на первый взгляд выглядит парадоксально, однако имеет внутреннюю логику. Некоторые памятники историко-культурного наследия, обладая определенной «гравитацией» и «силой притяжения» общественного внимания, способны сохранять эти качества на протяжении длительных периодов истории в контексте сложных «тектонических сдвигов» культуры, – даже с учетом радикальных перестроек ее аксиосферы. Как следствие, многие значимые для определенных культур артефакты и локации становились своеобразными площадками для популяризации не только ценностно-смысловых установок породивших их культур, но и установок культур, которые пришли им на смену. Показательны размышления известного российского мыслителя-сменовеховца, министра колчаковского правительства Н. В. Устрялова, который, рассуждая о российской революции, писал: «Над Зимним дворцом <...> дерзко развеивается Красное знамя, а над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую исторически-национальную святость, древние куранты играют «Интернационал»». Далее автор, отмечая странность происходящего и «боль для глаза и для уха», ссылаясь на то, что его многое корбит, указывает, что в его душе невольно рождаются вопросы относительно того, красное ли знамя диссонирует с Зимним дворцом, – «...или, напротив, Зимний дворец красит собой Красное знамя? «Интернационал» ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота, или Спасские ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в «Интернационал»?...» [Устрялов, 1922, с. 56]. Данные размышления фиксируют пересечения различных ценностно-смысловых и знаково-символических сфер в пространстве артефактов, которые являются своеобразными маркерами соответствующих культур. Эти размышления хоть и строятся на выявлении противоречий, но в то же время указывают на возможность сохранения значимости тех или иных объектов и локаций в принципиально новых условиях. Примером в данном случае является сохранение статуса многих топосов власти, несмотря на радикальные революционные преобразования.

Рассматриваемый в настоящей статье феномен символических «страданий» артефактов устойчиво проявляется и в наше время. При этом ситуации возникновения символических «страданий» весьма

многообразны. Мир рубежа XX – начала XXI веков характеризуется сложной динамикой социокультурных преобразований, наличием архитектурных разломов внутри различных культур, межкультурных напластований, «складок», порождающих сломы и трансформации аксиологических эпицентров тех или иных культур. Данное обстоятельство определяет появление множества позиций субъекта относительно сложных мировоззренческих вопросов (включая политико-идеологические, религиозные и др.). Реалии сегодняшнего дня отличаются столкновением различных субъектных позиций, множественностью дискурсивных практик, что весьма усложняет восприятие различных феноменов историко-культурного наследия. Как следствие, многие ситуации символических «страданий», которые возникают в биографиях различных артефактов, «обрастают» всевозможными субъективными оценками, которые зависят от ценностно-смысловых ориентаций воспринимающих сторон.

Переходя к рассмотрению конкретных примеров, укажем на памятник В. И. Ленину, который изначально был установлен в латвийской Елгаве. В начале 1990-х годов памятник был демонтирован и вскоре после этого выкуплен и перевезен в Хернинг (Дания). В новой локации монумент установили на специально созданных креплениях в горизонтальном положении, в «лежачем» виде. С точки зрения создателей композиции «*Lenin er dod*» («Ленин умер»), она была призвана «символизировать смерть основателя первого в мире социалистического государства, а вместе с ним и его идей» (*Как в Дании «убили Ленина» // Комсомольская правда. 1.11. 2018¹*). Состояние, в котором оказался памятник В. И. Ленину, у многих зрителей, не погруженных в аксиосферу советской культуры, не вызывает ощущение «страдания». Однако для людей, сопричастных к советскому «авторитетному дискурсу», важнейшими «точками сшивки» которого являлись Ленин, Партия и Коммунизм [Юрчак, 2014], данное отношение к памятнику вождю мирового пролетариата является категорически неприемлемым и грубо разрывающим «символическую ткань» советской культуры.

Помимо нарушения общепринятых норм экспонирования артефактов, еще одним способом причинения символических «страданий» памятникам является их перемещение и помещение в неорганический контекст. В качестве примера приведем известную историю с таллинским Бронзовым солдатом, который был перемещен в иную, менее статусную локацию в том же городе. Изначально памятник павшим при освобождении Таллина в 1944 году красноармейцам находился

в центре города, рядом с церковью Каарли, однако в 2007 году в рамках кампании по «декоммунизации» он был перенесен на находящееся на городской окраине военное кладбище; указанный перенос вызвал большой общественный резонанс в Эстонии и в России. На современной Украине, помимо многочисленных случаев сноса и осквернения монументов дореволюционного и советского периодов, также имеют место и переносы памятников в неорганический для них контекст. Так, в 2022 году горсовет Измаила принял решение о переносе памятника А. В. Суворову из центра города в музей (*В украинском Измаиле перенесут памятник Суворову в музей²*); в Черновцах намереваются перенести монументы, посвященные Великой Отечественной войне, и братские могилы генералов и офицеров Красной Армии (*В Черновцах советские памятники перенесут из центра на Одесскую улицу, 2022³*) и т. д.

Кроме того, символические «страдания» могут быть причинены артефакту и вследствие нарушения норм поведения, подходящих тому или иному памятнику, со стороны публики или ее отдельных представителей. Памятники, содержа определенные сакральные смысловые аспекты, предполагают соответствующее поведение в их пространствах и рядом с ними. Данное обстоятельство касается как светских артефактов, так и объектов религиозного культа и иных сакрально значимых феноменов. Примеров подобных нарушений можно назвать достаточно много. Так, в последние десятилетия на постсоветском пространстве неоднократно фиксировались нарушения норм поведения в отношении Вечного огня, что является абсолютно недопустимым и вызывает общественное осуждение. Примечательна, например, ситуация Марсова поля в Санкт-Петербурге, на которую указывает И. В. Утехин [Утехин, 2013]. Автор отмечает, что в постперестроечные времена в рамках радикальных социокультурных преобразований существенно изменялся статус различных городских пространств. Поменялся и статус Марсова поля, которое ранее было исключено из пространства обыденности, вокруг которого «царила торжественность». Для некоторых горожан эта локация, очевидно, десакрализовалась, – чем была обусловлена эволюция поведенческих практик [так же]. Помимо этого, И. В. Утехин пишет об иных случаях подобного рода, в частности, об общественном резонансе, вызванном устройством катка на Дворцовой площади в 2007 году.

Весьма распространенным примером воздействий на формы памятников являются практики

¹URL: <https://www.kp.ru/online/news/3283598/>

²URL: <https://lenta.ru/news/2022/10/28/suvorov/>

³URL: <https://ria.ru/20220810/pamyatniki-1808630229.html>

их переодевания, которые можно ранжировать от условно безобидных до крайне неуместных. Например, во многих российских городах значительные памятники облекали в наряды Дедов Морозов: подобным образом наряжали памятник Юрию Долгорукому в Москве, памятник Петру I в Липецке, памятник Ф. Прядунову в Ухте, челябинского богатыря (часть памятника «Сказ об Урале»). На скульптуре С. Есенина, которая стоит на Тверском бульваре в Москве, регулярно появляется галстук; в Воронеже проводилась акция «свитер Высоцкому»; на столичный памятник А. С. Пушкину в 2005 году, в день победы футбольной команды ЦСКА в Кубке УЕФА, был надет фанатский шарф. Подобные практики проявляются и в студенческой среде, особенно в среде выпускников вузов – так, выпускники Сеченовского университета ежегодно обматывают бинтами памятники И. М. Сеченову и Н. И. Пирогову и надевают им на головы медицинские шапочки; студенты МФТИ наряжают памятник Н. Е. Жуковскому; в Благовещенске выпускники филиала Морского государственного университета им. адмирала Г. И. Невельского наряжали в матросский костюм памятник В. И. Ленину и т. д. В этой связи можно вспомнить также рассуждения М. М. Бахтина про средневековую западноевропейскую праздничную культуру, которой исторически были присущи шутовство, переодевание, непристойные танцы и т. п. [Бахтин, 1990]; заметим, что схожие установки проявлялись и в традиционной русской праздничной культуре – «по народно-православным представлениям, в календаре бывают дни, когда грех как бы не вменяются» [Панченко, 2000, с. 301].

Приведенные примеры показывают всю неоднозначность и сложность изучаемого феномена. В этом плане показательно, что в ряде случаев переодевание памятников происходило при поддержке или даже по прямой инициативе местных властей (*Долгорукий – Дед Мороз оказался сюрпризом от Юрия Лужкова. 2005¹*) – а в других случаях власти, напротив, препятствовали подобным практикам (как это было в ситуациях с несостоявшимся переодеванием скульптуры горниста, которая является частью памятника борцам за власть Советов во Владивостоке) (*Дизайнеры предложили переодеть памятник красноармейцу в Снегурочку. 2020²*). Прежде всего в рассматриваемом вопросе речь идет о выявлении степени допустимых отклонений поведения в отношении того или иного памятника или группы памятников. Как уже было отмечено выше, отклоняющееся

от социальной нормы обращение с различными артефактами может вступать в противоречие с восприятием памятников как сакрально значимых со стороны определенных общественных слоев. Нередко тот, кто допускает в отношении памятников соответствующие девиации, не отдает себе отчета в том, что другие могут воспринимать такое поведение как неприемлемое.

Анализ подобных практик причинения символических «страданий» артефактам, а также спорность многих ситуаций причинения «страданий» памятникам показывают, что в некоторых случаях могут проявляться сразу несколько позиций относительно того, провоцируют ли данные действия «страдания» объекта. Изучаемый феномен усложняется еще и тем, что множественность точек зрения на ту или иную ситуацию «страданий» артефактов дополняется способностью субъекта изменять точку зрения. Плавающие параметры восприятия у субъекта реализуются на фоне смены и корректировки ценностно-смысловых ориентаций, которые человек способен переживать в течение жизни. Необходимо указать, что аксиосфера культуры может быть неоднородной, в ней могут соседствовать и уживаться разные ценностно-смысловые комплексы, взаимодействующие, дополняющие друг друга и конкурирующие между собой. В указанном контексте субъект способен «перемещаться», – что ведет к смене его ценностно-смыслового «облика» и изменению восприятия им тех или иных памятников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, укажем, что проблема символических «страданий» памятников является довольно интересной и перспективной в плане научной разработки. Феномен символических «страданий» устойчиво проявляется в истории мировой культуры, реализуя определенные архетипические основания отношения человека к значимым памятникам. В силу различных историко-культурных обстоятельств указанные артефакты становятся объектами негативного воздействия, имеющего символическую форму. При этом сам факт символического «страдания» памятников невероятно усложняется множественностью субъектных позиций, которые позволяют самым разным образом воспринимать указанные действия, а также трансформацией данных позиций в ходе истории. Анализ рассматриваемого вопроса показывает, что факт причинения символических *страданий*, не затрагивающих существенным образом материальную компоненту памятников, может оставлять значительный след в их «реальности».

¹ URL: <https://lenta.ru/news/2005/12/26/statue1/>

² URL: https://vl.aif.ru/ny/dizaynery_predlozhili_pereodet_pamyatnik_krasnoarmeycu_v_snegurochku

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Туминская О. А. Антирелигиозная пропаганда в Государственном Русском музее // Музей. Памятник. Наследие. 2020. № 1. С. 67–81.
2. Кондаков И. В. Архитектоника культурного наследия // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А. В. Бондарев. М. ; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 533–544.
3. Готье Ю. В. Мои заметки. М.: Терра, 1997.
4. Пархоменко Т. А. Культура без цензуры: Культура России от Рюрика до наших дней. М.: Книжный клуб Книгоvek, 2010.
5. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе. М.: Медиум, 1996.
6. Леонов И. В., Ройттер Г., Кириллов И. В. Трансформации форм и «смысловой ауры» сакральных мест в культуре России XIX–XXI вв.: на примере памятников религиозного зодчества // Человек. Культура. Образование. 2020. № 3 (37). С. 105–127.
7. Устрялов Н. В. Patriotica // Смена вех. 2-е изд. Прага: Типография Отто Эльснера, 1922. С. 52–71.
8. Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
9. Утехин И. В. Место действия: публичность и ритуал в пространстве постсоветского города // Strelka: сборник 2013. М.: Strelka Press, 2013. С. 75–98.
10. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990.
11. Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000.

REFERENCES

1. Tuminskaya, O. A. (2020). Antireligioznaya propaganda v Gosudarstvennom Russkom muzee = Anti-religious propaganda in the State Russian Museum. Museum. Monument. Heritage, 1, 67–81. (In Russ.)
2. Kondakov, I. V. (2014). Arhitektonika kul'turnogo naslediya = Architectonics of cultural heritage (pp. 533–544). Cultural genesis and cultural heritage / nauch. red. i sost. A. V. Bondarev. Moscow ; St. Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ. (In Russ.)
3. Got'e, Yu. V. (1997). Moi zametki = My notes. Moscow: Terra. (In Russ.)
4. Parhomenko, T. A. (2010). Kul'tura bez cenzury: Kul'tura Rossii ot Ryurika do nashih dnei = Culture without censorship: The Culture of Russia from Rurik to the present day. Moscow: Knizhny klub Knigovek. (In Russ.)
5. Ben'yamin, V. (1996). Proizvedenie iskusstva v epohu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse = A work of art in the era of its technical reproducibility. Selected essays. Moscow: Medium. (In Russ.)
6. Leonov, I. V., Rojtter, G., Kirillov, I. V. (2020). Transformation of Forms and «Semantic Aura» of Sacred Places in the Culture of Russia of the 19–21 century Russia: the Case Study of Religious Architecture Monuments. Human. Culture. Education, 3(37), 105–127. (In Russ.)
7. Ustryalov, N. V. (1922). Patriotica (pp. 52–71). Change of milestones. 2nd ed. Praga: Tipografiya Otto El'snera. (In Russ.)
8. Yurchak, A. V. (2014) Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie = It was forever until it was over. The last Soviet generation / predisl. A. Belyaeva; per. s angl. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. (In Russ.)
9. Utekhin, I. V. (2013). Mesto dejstviya: publichnost' i ritual v prostranstve postsovetского goroda = Place of action: publicity and ritual in the space of a post-Soviet city (pp. 75–98). Strelka: Sbornik 2013 = Strelka: Collection 2013. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
10. Bahtin, M. M. (1990). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa = The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. 2nd ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
11. Panchenko, A. M. (2000). O russkoj istorii i kul'ture = About Russian history and culture. St. Petersburg: Azbuka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова Алла Александровна

доктор исторических наук, профессор
заведующая кафедрой теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Леонов Иван Владимирович

доктор культурологии, доцент
профессор кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кириллов Игорь Викторович

магистрант кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного института культуры

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smirnova Alla Aleksandrovna

Doctor of Historical Sciences, Professor
Head of the Department of Theory and History of Culture
St. Petersburg State Institute of Culture

Leonov Ivan Vladimirovich

Doctor of Culturology, Associate Professor
Professor at the Department of Theory and History of Culture
St. Petersburg State Institute of Culture

Kirillov Igor Viktorovich

a Master's student
of the Department of Theory and History of Culture
St. Petersburg State Institute of Culture

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

07.07.2023
11.07.2023
13.07.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication